

УДК 81'37
ББК 81-3

ИДИОМАТИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ КОМПРЕССИИ ИНФОРМАЦИИ

Л.В. Молчкова

В статье представлен механизм идиоматизации речевых словосочетаний и высказываний, приводящий к компрессии в плане содержания и в плане выражения, то есть к появлению семантической целостности и к регрессии языковых единиц по структурным и функциональным параметрам, когда единицы более высоких уровней трансформируются в единицы более низких уровней. Делается вывод о том, что идиоматизация является способом компрессии информации.

Ключевые слова: идиома, фразеологизм, идиоматизация, синтаксическая структура, словообразовательная структура.

Еще сорок лет назад И.П. Сусов отметил, что «фразеологические комплексы» (фразеологизмы) отличаются от «синтаксических комплексов» (словосочетаний с прямым значением) характером речевого функционирования [7, с. 119]. Фразеологические комплексы он противопоставлял синтаксическим, поскольку синтаксическая структура в них зачастую «не работает», обладая признаками ригидности, нетрансформируемости и непроницаемости. Аналогичное наблюдение сделал Ф. Палмер, указав: «Some idioms are more restricted or “frozen” than others» [8, с. 64] – Некоторые идиомы (синтаксически) более скованы, «заморожены», чем другие (перевод наш – Л. М.). Отмеченная учеными особенность связана с тем, что фразеологизмы по своим структурно-семантическим свойствам в целом проявляют тенденцию к сближению со словами: не только их лексические компоненты стремятся превратиться в морфемы, но и их синтаксическая структура тяготеет к превращению в словообразовательную.

Сходству процессов фразеобразования и словообразования уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания. Между тем наблюдения показывают, что компонентный состав, структура, свойства и характер речевого функциониро-

вания отдельно- и цельноформленных идиоматичных единиц обнаруживают сходство, настолько значительное, что граница между корпусами этих двух разрядов языковых единиц размывается, особенно в языках аналитического строя, например английском. В этой связи представляется целесообразным рассматривать идиоматичные языковые единицы как единый разряд, включающий также единицы, переходные между отдельно- и цельноформленными образованиями (например, англ. *blue stocking/blue-stocking/bluestocking*). Идиоматичность присуща большому количеству единиц языка, среди которых можно выделить идиоматичные фразеоматические идиомы (идиоматичные сочетания слов нефразеологического характера), лексические идиомы (идиоматичные слова или лексико-семантические варианты слов) и фразеологические идиомы (подробнее об этом см.: [6]).

Знаковая структура этих единиц отличается от знаковой структуры единиц с прямым значением. Например, фразеологизм *кот наплакал*, означающий «очень мало», на первом ономаσιологическом уровне (в прямом значении) распадается на слова *кот* и *наплакал*, а на втором ономаσιологическом уровне (в переносном значении) он распадается на слова *не* и *наплакал*, поскольку компоненты *кот* и *наплакал* в составе этого фразеологизма ничего не обозначают и не являются номинаторами, то есть словами. Следовательно, фразеологизм имеет особую семиотическую структуру, которая

отличается от семиотической структуры своего прототипа – словосочетания с прямым значением.

С позиций функционального подхода рассмотрим, на какие знаки распадается фразеологизм на втором ономаσιологическом уровне. В рамках функциональной лингвистики языковые единицы рассматриваются как средства выражения содержания и классифицируются по способам выполнения этой функции. В трудах М.В. Никитина [4; 5] приводится классификация, в рамках которой уровневая принадлежность языковой единицы увязана с ее основной функцией. По М.В. Никитину, фонемы являются дистинкторами смысла, морфемы – фиксаторами смысла, слова – номинаторами смысла, а высказывания – коммуникаторами смысла. Взяв за основу данную классификацию, мы будем употреблять термины «дистинктор языковых значений» по отношению к фонеме, «десигнатор языковых значений» по отношению к морфеме, «номинатор объекта» по отношению к слову и «коммуникатор смысла» по отношению к высказыванию.

Итак, в языке существуют единицы, которые с функциональной точки зрения могут рассматриваться как дистинкторы значений, десигнаторы значений, номинаторы объектов и коммуникаторы смысла. Единица каждого следующего уровня, реализуя собственную функцию, выполняет еще и функции, свойственные единицам предыдущих уровней (подробнее об этом см.: [5]). Морфема, будучи десигнатором, в то же время выполняет и функцию различения значений, присущую фонеме; слово, будучи номинатором, является одновременно и десигнатором, как морфема; высказывание, будучи коммуникатором, в то же время номинирует ситуацию, о которой оно повествует. Если языковая единица по той или иной причине утрачивает свою собственную функцию, она продолжает выполнять функции предыдущих уровней.

Остановимся подробнее на анализе функциональных свойств лексических компонентов идиоматичных сочетаний слов, позволяющем установить семиотический и лингвистический статус этих компонентов.

В составе неидиоматичных словосочетаний лексема являются номинаторами объектов, а морфемы в составе неидиоматичных слов являются десигнаторами значений.

В составе же идиом (как отдельно-, так и цельноформленных) компоненты обладают разным функциональным статусом. Как будет показано ниже, они могут выступать в качестве номинаторов, десигнаторов и дистинкторов, в зависимости от характера переосмысления исходной языковой единицы.

Рассмотрим, что представляют собой номинаторы в составе фразеологизмов.

Номинатор может состоять из любого числа лексических компонентов фразеологизма – от одного до всех. Если в качестве номинатора выступает один лексический компонент, то он является словом в составе фразеологизма. Например, фразеологизм *метать бисер перед свиньями* означает «предоставлять некую ценность тем, кто не способен ее оценить». Из дефиниции видно, что лексема *метать* обозначает действие предоставления, лексема *бисер* – ценность, лексема *перед* – вектор действия, а лексема *свиньи* – профанов. Все лексические компоненты этого фразеологизма являются самостоятельными цельноформленными номинаторами, то есть словами. Ср. англ. *to take up the gauntlet* (букв. «поднять перчатку»), перен. «принять вызов»).

Фразеологизм *связать по рукам и ногам* означает «полностью лишить свободы действий». Лексема *связать* обозначает лишение свободы действий и потому является отдельным номинатором (словом) в составе данного фразеологизма, а в сочетании *по рукам и ногам* ни одна лексема сама по себе не является номинатором; лишь переосмысленное целиком, оно реализует сему 'полностью' на втором ономаσιологическом уровне. Следовательно, сочетание *по рукам и ногам* в составе фразеологизма представляет собой единый номинатор. Таким образом, фразеологизм состоит из пяти лексем, но только из двух номинаторов. Ср. англ. *to build castles in Spain* (букв. «строить замки в Испании»), перен. «разрабатывать несбыточные проекты»¹); глагол *to build* «строить» обозначает создание чего-либо, а сочетание *castles in Spain*, переосмысленное целиком, обозначает несбыточные проекты. Будучи самостоятельным номинатором в составе этого фразеологизма, данный фрагмент употребляется и как отдельный фразеологизм со значением «несбыточные проекты».

Фразеологизм *склеить ласты* означает «умереть». Ни одна из составляющих его лексем сама по себе ничего не обозначает на втором ономазиологическом уровне, то есть не является отдельным номинатором (словом). Номинатором является весь фразеологизм целиком. Ср. англ. *to see red* (букв. «увидеть красное», перен. «рассвирепеть»).

Таким образом, одни фразеологизмы представляют собой сложные номинаторы, причем их деление на лексем может не совпадать с делением на номинаторы, а другие суть простые номинаторы, делимые на лексем, но неделимые на номинаторы.

Этим объясняется изменяемость одних фразеологизмов и неизменяемость других – различие, отмеченное еще Ф. Палмером [8] и А.В. Куниным [1], но не объясненное ими. За исключением случаев буквализации, нормативные и окказиональные трансформации и деформации фразеологизмов в речи проходят по границам номинаторов, из которых они состоят, а фразеологизмы, неделимые на номинаторы, нетрансформируемы, если только они не буквализируются в контексте. Например, фразеологизм *сломать лед* поддается пассивации (*лед сломан*), а фразеологизм *смотреть удочки* ей не поддается (нельзя сказать **удочки сломаны*), поскольку *сломать* на ономазиологическом уровне обозначает действие по преодолению чего-либо, а *лед* – состояние отчуждения, в то время как *смотреть* и *удочки* на втором ономазиологическом уровне по отдельности не обозначают ничего. Лексема *лед*, будучи словом, может выступать в функции подлежащего, а лексема *удочки*, не будучи словом, в этой функции выступать не может. Аналогичным образом, лексема *сломать*, будучи словом, сама по себе может выполнять функцию сказуемого, а лексема *смотреть*, не будучи словом, не может выполнять эту функцию. Сказуемым служит весь фразеологизм целиком.

Таким образом, у одних фразеологизмов синтаксическая структура осознается носителями языка и потому может актуализироваться, а у других она не осознается («заморожена») и потому не может актуализироваться, она «застывает». Существуют и такие фразеологизмы, у которых синтаксическая структура осознается на одном участке и не

осознается на другом. Например, в приводившемся выше фразеологизме *связать по рукам и ногам* можно пассивировать глагол (*Он был связан по рукам и ногам*), потому что этот глагол является и номинатором, и словом, но нельзя изменять остальную часть (нельзя сказать **связать по ногам и рукам*, **связать кому-л. руки и ноги* и т. п.), поскольку внутри простого номинатора трансформации недопустимы, как недопустимы они внутри слова.

Превращаясь в словообразовательную структуру в процессе лексикализации фразеологизма, его синтаксическая структура «застывает» окончательно, что проявляется в ригидности структуры слов (нетрансформируемости, непроницаемости, незаменяемости морфем). Случаи типа *лизоблюд/блюдолиз* (с морфемной инверсией), *малорослый/низкорослый* (с синонимической заменой морфемы) представляют собой немногочисленные исключения, подтверждающие правило. Подчеркнем, что речь идет о застывшей структуре уже возникших, готовых слов, а не словообразовательных моделей; активность последних проявляется в широких пределах. Одни модели «застыли» и более не порождают новые слова. Такова, например, субстантивная модель *Рло* (где *R* – производящая основа): по ней когда-то были созданы слова *зерцáло/зёркало*, *пугáло*, *поддувáло*, *давйло* («пресс»), *падло* («падаль») и некоторые другие. Другие модели активны и в наше время, например *Ртель*: технические термины *прерыватель*, *рассекатель*, *накопитель*, *разбавитель*, *глушитель* и др. Модель продуктивна, но образованные в соответствии с ней слова структурно «застывают», как застывают металлические изделия, изготовленные методом литья по литейной матрице.

Так, существительное *рассекатель* образовано от глагола *рассекать*, входящего в тематический ряд *разрубать*, *расчленять*, *разрезать*, *разделять* и т. д. Однако в слове *рассекатель* синонимическая/тематическая замена морфем недопустима: она привела бы к коммуникативному сбою (недоразумению). Слова – максимально затвердевшие кристаллы речемысли, носители устойчивых, постоянных семантических единиц (понятий, концептов).

Фразеоматизмы и фразеологизмы не достигают такой степени затвердения, но тяготеют к нему, проявляют тенденцию к превращению в слова, а их лексические компоненты – к превращению в морфемы, что регулярно происходит в речевой практике. Отметим, что глоттогенез сопровождается свертыванием, кумуляцией, сжатием, застыванием текучей, подвижной «лавы» речевой стихии.

В трансформационной грамматике разбиение предложения на слова и слов на морфемы проводится в рамках единой модели непосредственно составляющих. Это значит, что принципиальное разграничение синтаксических и словообразовательных структур не проводится несмотря на то, что между ними, конечно, есть различия. Исходя из этого, можно представить систему словообразовательных структур как результат компрессии и упрощения системы синтаксических структур; компрессия приводит к росту лаконизма и компактности средств манифестации единиц плана содержания.

Индивидуальные смыслы выражаются сначала свободными (речевыми) словосочетаниями и высказываниями. Когда эти индивидуальные смыслы становятся общим достоянием и превращаются в постоянные семантические единицы (значения), речевые словосочетания и высказывания становятся устойчивыми (языковыми) единицами. Их идиоматизация приводит к компрессии в плане содержания (к появлению нелинейного приращенного смысла) и в плане выражения (к стяжению и эллиптизации). Возникают фразеоматизмы и фразеологизмы.

Дальнейшая компрессия проявляется в аналогичных процессах, сопровождающих лексикализацию словосочетаний, – в опрощении и переразложении (отбрасывании некоторых внутренних служебных морфем, исчезновении ряда морфемных швов). Морфосинтаксическая структура превращается в более простую и компактную – словообразовательную. В результате возрастает конвенциональность и снижается мотивированность значения. В итоге увеличивается нагрузка на языковую память, однако возрастает лаконизм, повышающий пропускную способность канала связи и сокращающий время коммуникации. Это возможно благодаря тому, что десигни-

руемые семантические единицы являются постоянными и общими для всего языкового коллектива; они усваиваются в онтогенезе речи и затем служат стандартными орудиями речевого мышления.

Речемысль клишируется; массовое речевое мышление «движется по рельсам» застывших языковых структур. Это удобно для осуществления рутинного мышления и общения, но мешает продуцированию новой мысли и в целом развитию культуры².

Поднимаясь к вершинам познания мира, человек как бы «утаптывает землю», создавая под ногами прочный когнитивный фундамент. Невозможно, двигаясь вверх, сохранять имеющиеся знания в первоначальной «рыхлой» форме первичного кода, потому что синтагма знаков такого кода получается непомерно длинной и неуклонно растет. Поэтому осуществляется компрессия накопленной информации путем создания более экономных языков более высоких уровней – вторичных, третичных и т. д. кодов³.

Для достижения этого существует ряд способов, в том числе идиоматизация исходных языковых единиц, приводящая к росту нелинейности, приращению смысла в плане содержания и лаконизации средств плана выражения. Информационная емкость знаков повышается. Синтагмы (тексты, содержащие теории) сворачиваются в парадигмы (терминосистемы): за каждым термином стоит теория. Прежние теории имплицитно присутствуют в текстах на языках более высоких уровней, составляя их когнитивный фон, активируемый кодовыми ключами – терминами. Текст на научном языке следующего уровня в целом информационно более емкий, чем текст на языке предыдущего уровня, хотя по объему может не превышать его.

В искусстве накопление и свертывание информации осуществляется иными способами, но не это в данном случае составляет предмет наших рассуждений. Здесь мы стремимся показать, что глоттогенез происходит в ходе накопления знаний о мире путем сворачивания мегасинтагмы речи в мегапарадигму языка.

Глоттогенез сопровождается свертыванием и компрессией информации – процессами, осуществляемыми путем идиоматизации языковых знаков, их «сжатия», интеграции в

плане содержания (появления семантической целостности у языковых единиц) и в плане выражения (регрессии языковых единиц по структурным и функциональным уровням, то есть превращения единиц более высоких уровней в единицы более низких уровней: предложений – в словосочетания, словосочетаний – в слова, слов – в морфемы, морфем – в эквиваленты фонем и в настоящие фонемы).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Происхождение идиоматического оборота *to build castles in Spain* связано с тем, что враги Испании заранее планировали строительство поместий на еще не завоеванных испанских землях.

² Чтобы выразить свежую мысль, приходится «сходить с рельсов», создавая новые подязыки – новые терминосистемы в науке, новые художественные языки в искусстве. Как справедливо отметил Ю.М. Лотман, «минимальное мыслящее устройство должно включать в себя хотя бы две разноуровневых системы, которые обмениваются выработанной внутри них информацией. [Это] составляет один из существенных элементов всякого творческого мышления» [3, с. 177–178]. Потенциал каждой отдельной парадигмы знаков ограничен. Именно поэтому культуры носят принципиально «полиглотический» (многокодовый) характер.

³ Сущность этого процесса описал С. Лем в фантастико-философском трактате «Голем XIV»[2]. Языки более высоких уровней (сверхчеловеческие языки) автор называет «металангами» и описывает электронный супермозг, который достиг небывалых высот в познании мира и сумел достаточно лаконично выразить результаты своей познаватель-

ной деятельности на металанге 18-го уровня (по сравнению с языком нулевого уровня, то есть языком людей, принятым за точку отсчета). Однако он не смог передать эти знания людям, потому что языка 18-го уровня люди просто не понимали, а будучи выраженными на языке нулевого уровня, эти сведения заняли бы сотни миллиардов страниц, требующих много столетий для их распечатки, не говоря уже об усвоении всех этих знаний за обозримый период времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка. Опыт систематизированного описания / А. В. Кунин. – М. : Междунар. отношения, 1972. – 288 с.
2. Лем, С. Библиотека XXI века / С. Лем. – М. : АСТ, 2003. – С. 301–438.
3. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман // Лотман, Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство, 2004. – С. 149–390.
4. Никитин, М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) / М. В. Никитин. – М. : Высшая школа, 1983. – 128 с.
5. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М. : Либроком, 2009. – 170 с.
6. Савицкий, В. М. Основы общей теории идиоматики / В. М. Савицкий. М. : Гнозис, 2006. – 208 с.
7. Сусов, И. П. О некоторых аналогиях между объектами фразеологии и синтаксиса / И. П. Сусов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Вып. 2. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ин-та, 1972. – С.117–120.
8. Palmer, F. Idioms / F. Palmer / Palmer, F. Semantics: A New Outline. – М. : Vysšaya Škola, 1982. – P. 64–65.

IDIOMATIZATION AS A WAY OF COMPRESSING INFORMATION

L. V. Molchkova

Idiomatization of word-combinations and phrases leads to compression in the plane of content and in the plane of expression, i.e. semantic integrity and regression of the language units from the higher level to the lower level (both structural and functional). Thus idiomatization is viewed as way of compressing information.

Key words: *idiom, phraseological unit, idiomatization, syntactical structure, word-formation structure.*